Н.А. Васильева,
Ю.В. Косов

Терминологические аспекты исследования неоевразийской интеграции

The problem of theoretical research of the neo-Eurasian integration

Васильева Наталия Алексеевна
Санкт-Петербург,
Российская Федерация
профессор кафедры
мировой политики
факультета международных
отношений
Санкт-Петербургского
государственного университета,
доктор философских наук
n52basil@gmail.com

Vasilyeva Natalya Alekseeva
St. Petersburg,
the Russian Federation
Professor of the Department of
World Politics
of the School of International
Relations
of the St. Petersburg State
University,
Doctor of Philosophy
n52basil@gmail.com

Косов Юрий Васильевич
Санкт-Петербург,
Российская Федерация
Декан факультета международных
отношений Северо-Западного
института управления Российской
академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской
Федерации,
доктор философских наук
kosov@szags.ru

Kosov Yuri Vasilyevich
St. Petersburg,
the Russian Federation
Dean of the international relations
of the North-West Institute of the
Russian Academy of National
Economy and Public Administration
under the President of the Russian
Federation,
Doctor of Philosophy
kosov@szags.ru

Аннотация: Современные интеграционные процессы на евразийском пространстве требуют для своего теоретического осмысления инновационного категориального аппарата. Это особенно актуально в связи с созданием Евразийского Экономического Союза.

Summary: In connection with the creation of the Eurasian Economic Union actualized the problem of the theoretical understanding of the integration prospects of the post-Soviet region/Eurasian space.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; интеграция; постсоветское пространство; неоевразийское пространство.

Keywords: Eurasian Economic Union; integration; post-soviet space; neoeurasian space.

Основополагающие процессы современного мирового развития – глобализация, информатизация и демократизация – привели к качественной трансформации интеграционного контекста: на смену территориально-государственному принципу интеграционного объединения приходит принцип пространственной взаимосвязи в глобально-региональном масштабе. Главное отличие современного периода заключается в переходе интеграционных процессов в свою интенсивную фазу развития, свидетельством чего является выдвижение на первый план интеграции как основного инструмента в институциональном строительстве глобальных регионов. При этом необходимо подчеркнуть, что данный инструменталистский характер интеграции определяется его политическим содержанием, потому что именно политическая воля тех или иных акторов международных отношений влияет на конфигурацию и содержательные характеристики глобального региона.[1]

В этом контексте создание Евразийского Экономического Союза актуализирует проблему теоретического осмысления интеграционных перспектив региона постсоветского/евразийского пространства. Столь конструктивно сложное понятие – «пост-

[1] Подробнее см. *Васильева Н.А.* Глобальный евразийский регион: опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции. Монография/ Н.А.Васильева, М.Л.Лагутина.- СПб :Изд-во Политехн. ун-та, 2012

советское/неоевразийское пространство», по мнению авторов, отражает эволюционную преемственность пространственно-временных форм евразийского региона от советского прошлого (определяемого через категорию «постсоветское пространство») к будущему (определяемого через категорию «неоевразийское пространство»). Именно поэтому постсоветское/неоевразийское пространство можно рассматривать как уникальную «исследовательскую площадку», поскольку, с одной стороны, это яркий пример взаимосвязи интеграционных и дезинтеграционных процессов, а, с другой стороны, это феномен, не нашедший еще в современной политологической науке должной теоретической проработки.

Давая теоретическое обоснование понятию «постсоветское/неоевразийское пространство» необходимо вначале обратиться к анализу самого понятия «пространство» в рамках тех теорий и концепций, которые характеризуют особенности трансформации политического пространства в объективных условиях глобализационного процесса. Исследование мирового политического развития, геополитических реалий, трансформационных модификаций постиндустриального общества и других проблем требует новых методологических подходов к определению пространственно-временных координат, в которых развивается современный глобальный социум.[2]

Проблематика, связанная с ролью пространства в мировой политике, активно разрабатывается в современной политической науке. Пространство представляет собой один из «базовых параметров политики как таковой, задает объективные рамки любой политической деятельности, в том числе международной».[3] Пространство подвержено динамике, оно меняется в результате мирополитических процессов. Так, глобализация, по мнению философа П. Вирилио, «сжимает» мировое пространство.[4] Особую важность в настоящее время представляют собой теории и концепции, которые характеризуют особенности трансформации политического пространства в объективных условиях глобализационного процесса. Исследование мирового политического развития, геополитических реалий, трансформационных модификаций постиндустриального общества и других проблем требует новых методологических подходов к определению пространственно-временных координат, в которых развивается современный глобальный социум.[5]

Касаясь понятий «мирополитическое пространство», «глобализация», «регионализация» и их взаимодействия, можно предположить, что если пространство можно рассматривать как некую среду или сферу, то глобализация и регионализация представляют собой процессы внутреннего структурирования этой среды. Как справедливо замечает Н.Косолапов, в современных условиях «суть глобализационной реструктуризации международных отношений и мирового развития заключается в фактическом создании новой архитектуры пространств, которые будут определять жизнь и развитие мира в предстоящие десятилетия: глобальной, как по территориальному охвату, так и по организации в рамках этой архитектуры всех ранее возникших и оформившихся основных пространств». [6]

В этой связи представляется важным рассмотреть теорию Больших пространств, кото-

---

[2] *Васильева Н.А.,* Лагутина М.Л. Философские вопросы науки о мировой политике. Философская методология исследования проблем мировой политики. Монография. / Н.А.Васильева. – LAP LAMBERT Academic Publishing, Saarbrucken, 2011.

[3] Пространство и время в мировой политике и международных отношениях. 4-й Конвент РАМИ 22-24 сентября 2006 г. [Web: http://convention2006.risa.ru/info.php]

[4] См.: *Вирилио, П.* Информационная бомба. Стратегия обмана. / Перевод И.Окуневой. / П.Вирилио. – М, 2002

[5] *Васильева Н.А.,* Лагутина М.Л. Философские вопросы науки о мировой политике. Философская методология исследования проблем мировой политики. Монография. / Н.А.Васильева. – LAP LAMBERT Academic Publishing, Saarbrucken, 2011.

[6] *Косолапов, Н.А.* Глобализация: территориально-пространственный аспект / Н.А.Косолапов // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 6. – С.10

рая включает в себя: геополитические концепции (например, доктрина Дж.Буша-младшего о Большом Ближнем Востоке), классический географический подход (например, классическая география оперирует, по мнению российского исследователя Г.Г.Исаева, вполне конкретными категориями – континентами, островами, океанами, частями света и др.), культурологический подход (например, христианский мир, исламская цивилизация и т.д.), идеологический (например, Восток и Запад в период Холодной войны), социально-экономическое измерение пространства (например, глобальный Север и глобальный Юг). Согласно позиции украинского исследователя А.А.Ирхина, «Большие пространства являются субъектами мировой и региональной политики, которые он определяет как «структурированные системы, к которым стремятся народы (стержневые этносы), заселяющие территории, с позиции которых можно проводить экспансию, главной целью которой является обеспечение или стремление к самодостаточности (автаркии) через достижение наиболее благоприятного пространственного положения».[7]

Данное определение дает возможность объединить ряд теоретических характеристик феномена Больших пространств в рамках различных направлений политической науки: предрасположенность к экспансионисткой политике и расширению своего «жизненного пространства» (К.Хаусхофер); иерархичность пространственной организации (наличие Центра и Периферии – мир-системность И.Валерстайна); мультиэтническая структура с доминированием пассионарного этноса (Л.Гумилев); формирование общих ментальных установок, определяющих поведенческие стереотипы и имперские амбиции.[8]

Одной из первых попыток концептуализации феномена нового пространственного образования, возникшего после распада СССР, можно считать полемическую статью А.Празаускаса (1992), где утверждалось, что «на месте СССР образовалось постколониальное пространство с характерными для подобных переходных состояний проблемами».[9] Данное определение носит ярко выраженный идеологический характер, где акцент делается на тоталитарных характеристиках прошлого. Ряд российских политологов (например, Я.Бутаков, Д.Фурман и др.) сочли возможным определить постсоветское пространство как «постимперское пространство», тем самым подчеркивая территориальную преемственность Советского Союза от Российской империи, которая на протяжении столетий сплачивала вокруг себя внутреннюю Евразию».[10] «На самом деле, это не постсоветское, а постимперское пространство, оно создано Российской империей, и все те элементы сохраняющегося единства, которые есть на этом пространстве, порождены общей историей, порождены принадлежностью всех стран СНГ и стран Балтии к Российской империи и ее преемнику – СССР».[11] Определение российских авторов, таким образом, основано в большей степени на геополитическом контексте.

По сути, в этих определениях как раз и нашла отражение теория Больших пространств. Рассматривая постсоветское пространство как постимперское/постколониальное пространство, исследователи обращаются к двум основополагающим парадигмам развития Больших имперских пространств – Западной

[7] *Ирхин, А.А.* Постсоветское пространство: геополитические параметры и методология моделирования интеграционных процессов / А.А.Ирхин. [Web: http://rusprostranstvo.com/article/view/120]

[8] *Гагатова, Л.С.* Империи: идентификация проблемы / Л.С.Гагатова // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. – М.: АИРО – XX, 1996 – С. 338.

[9] *Празаускас, А.* СНГ как постколониальное пространство / А.Празаускас // Независимая газета. – 7 февраля. – 1992. [Web: http://www.ualberta.ca/~khineiko/NG_92_93/1141438.htm]

[10] *Бутаков Я.* Загадка постимперского пространства. Может ли возникнуть новый геополитический центр в пределах бывшего СССР? / Я.Бутаков. [Web: http://www.win.ru/school/6235.phtml]

[11] *Фурман Д.* От Российской империи до распада СНГ / Д.Фурман. [Web: http://www.polit.ru/lectures/2005/10/05/furman_print.html]

и Восточной.[12] Согласно данному концептуальному подходу, образование национальной империи на основе общности языка, религиозных традиций и национальной близости, а также на основе распространения своей власти в заморских колониях – свойственно западному типу Большого имперского пространства. Что касается образования восточного типа Большого имперского пространства, то здесь теоретическое обоснование основывается на историческом опыте Византийской, Османской и частично Российской империи (до реформ Петра I).[13]

Характеризуя различия Западного и Восточного типов Больших пространств, А.А.Ирхин, отмечает, что в империи Западного (колониального) типа, «метрополия всячески оберегает себя от ассимиляции. Метрополия не впитывает в себя большие пласты покоренных культур, а усваивает минимально необходимое для налаживания долгосрочной коммуникации с колониями на уровне элит и ведения максимально непропорциональной торговли и других видов обмена».[14] В свою очередь, в империи Восточного (традиционного имперского) типа развивается, прежде всего, имперский центр, а укрепление приграничных районов происходит исходя из ряда причин, среди которых важнейшими можно считать заинтересованность окраин в нахождении в имперской системе по объективной причине их дестабилизирующего соседства с промежуточными пространствами, где сильны воздействия иного имперского центра. Поэтому окраинные территории по своему геополитическому положению должны обладать высоким уровнем устойчивости с целью защиты имперского центра и в целом Большого пространства. При этом такое развитие отрицает национальную проблему между центром и периферией».[15] В итоге украинский аналитик приходит к выводу, что, в отличие от Западного пути формирования Больших имперских пространств, для Восточного типа культурная и национальная ассимиляция не была характерна – напротив, процесс «объединения множественности» ведет к «взаимному обогащению на основе культурного обмена, смешанных браков и т.д.».[16]

Развивая идею о Большом постсоветском пространстве, которое синтезирует в себе Западные и Восточные технологии самообразования, следует обратиться к понятию евразийского пространства, так как постсоветское Большое пространство занимает центральное место на евразийском континенте. Рассматривая этот вопрос ретроспективно, необходимо упомянуть теорию евразийства, созданную в начале XX века группой российских историков Л. Карсавиным, Г. Вернадским, философом В. Ильиным, лингвистом Н. Трубецким и др. По их мнению, народы «Российского мира» не могут быть отнесены ни к европейцам, ни к азиатам. «Сливаясь с родною и окружающей нас стихией культуры и жизни, мы не стыдимся признать себя евразийцами».[17] В представлении евразийцев, история Евразии есть многовековая борьба между «лесом» (оседлыми славянами лесной полосы) и «степью» (урало-алтайскими степными кочевниками). В монгольский период «степь» победила «лес», а в середине XV в. «лес» в лице Московии взял реванш. Как результат этого синтеза, русский народ получил два богатых исторических наследства – монгольское и византийское. Монгольское наследство – евразийское государство, а византийское – православная государственность. Освоение Больших пространств (степных или лесостепных), согласно теории евразийства, потребовало крепкой государственной организации, сильной и

[12] *Ирхин, А.А.* Постсоветское пространство: геополитические параметры и методология моделирования интеграционных процессов / А.А.Ирхин. [Web: http://rusprostranstvo.com/article/view/120]

[13] Там же.

[14] *Ирхин, А.А.* Постсоветское пространство: геополитические параметры и методология моделирования интеграционных процессов / А.А.Ирхин. [Web: http://rusprostranstvo.com/article/view/120]

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] Исход к Востоку. – София, 1921. – С. VII.

жесткой правительственной власти. Только исключительно крепкая государственность в течение веков могла держаться в Евразии на сколько-нибудь значительном ее пространстве. Устойчивая евразийская форма государства и власти – форма военной империи. Таковы были державы скифская, гуннская, монгольская, таково Московское царство и всероссийская империя. Крепкой и жизнеспособной евразийская держава оказывалась, однако, только тогда, когда правящая верхушка не отрывалась от народной массы, и внутренние подпочвенные воды питали власть. Важнейшим обстоятельством было и то глубокое всенародное православно-религиозное чувство, которое силой своего горения переплавило татарское иго во власть православного русского царя и превратило улус Батыя в православное Московское государство. Причина краха русской цивилизации видится евразийцам в двухвековом «кошмаре всеобщей европеизации России», который и породил чуждые русскому народу социалистические представления. Именно Западу обязана Россия октябрьским переворотом. Главным же «агентом» и проводником безответственной европеизации выступила, по их мнению, русская интеллигенция. Именно она, уверовав в космополитические блага цивилизации и сожалея об отсталости и косности своего народа, постаралась приобщить Россию к чуждым ей идеям, разрушив тем самым вековые устои ее собственной, самобытной культуры.

Таким образом, теоретический вариант концепции Больших пространств русских евразийцев дает основание говорить и о причинах современного геополитического значения Евразии. Необходимо отметить наличие большого комплексного потенциала: экономическую мощь, демографические ресурсы, энергетические запасы, а также военно-политический потенциал государств, благодаря чему Евразия представляет собой один из важнейших центров цивилизационного развития, где сталкиваются региональные и глобальные интересы ведущих акторов мировой политики. Евразия XXI века является сосредоточением нескольких Больших пространств: Российского, Европейского и Азиатского, «цивилизационное столкновение» (С.Хантингтон) которых объясняет периоды экспансии, единства, отступления, дробления, сосредоточения, и вновь экспансии – т.е. интеграции и дезинтеграции. Поэтому анализ развития Большого евразийского пространства позволяет сделать ряд следующих умозаключений:

- в рамках данного концептуального подхода постсоветское пространство представляет лишь часть Большого евразийского пространства;

- евразийский контекст формирования постсоветского пространства способствовал диалектическим процессам интеграции и дезинтеграции, что отразилось в многовекторной институциализации составляющих его интеграционных объединений (например, ЕврАзЭс и ГУАМ).

Таким образом, классифицируя постсоветское пространство с позиций теории Больших пространств, можно прийти к выводу, что данное пространство не в полной мере соответствует концептуальным положениям данной теории. Уже в начале XXI века стали появляться мнения о том, что современный концепт «постсоветского пространства» не вбирает в себя все многообразие геополитических событий и реалий своего «имперского» прошлого (по терминологии теории Больших пространств) и требует выработки нового понятийного аппарата. По мнению российского аналитика Ф.Лукьянова, «понятие «постсоветское пространство» используется в основном за отсутствием более точного определения этой части евразийской территории».[18] Еще более категоричен британский политик Д.Милибанд, который заявил, что понятие «постсоветское пространство» устарело: «По-моему, русские хотят использовать

[18] *Лукьянов Ф.* Индекс упущенных возможностей / Ф.Лукьянов. [Web: http://www.globalaffairs.ru/redcol/n_10010]

концепцию, так называемого «постсоветского пространства», не понимая, что граничащие с Россией бывшие республики СССР – это независимые страны с суверенными границами. Я считаю это неприемлемым. Украина, Грузия и другие – это не «постсоветское пространство». Это – независимые суверенные страны, обладающие собственным правом территориальной целостности».[19] Тем не менее, на данный момент в политологическом дискурсе, как в России, так и за рубежом, понятие «постсоветское пространство» продолжает активно использоваться, но для его теоретического обоснования скорее соответствуют концептуальные положения теории глобальной регионализации.

Изначально понятие «регион» обладало исключительно географическим наполнением и означало определенную территорию со схожими географическими характеристиками или ограниченную географическими объектами (океанами, горными массивами и т.д.). По мнению Г.Г.Исаева, уменьшение расстояний за счет развития транспортных средств, средств передачи информации, а также политическая и экономическая интеграция – все это разрушает региональную замкнутость, усложняет вопрос выделения какого-либо пространства в регион.[20] В этой связи представляется логичным упомянуть о теоретическом осмыслении процесса перерастания «региональности» в «глобальность», что нашло свое выражение в формировании нового концепта – «глобальный регион» в мирополитических исследованиях. Представляется, что теоретические положения теории глобального региона наиболее адекватно отражают существо современного состояния «постсоветского/неоевразийского пространства».

Однако нужно подчеркнуть, что фактически анализ постсоветского пространства в контексте теории глобальной регионализации, отражающей современные реалии трансформации политических и экономических пространств, в российской политической науке пока еще не проводится. Несмотря на очень частое употребление этого понятия в различных гуманитарных дисциплинах (географии, истории, политологии, теории международных отношений) и в различных вариантах исследовательских направлений (пространство СНГ, Евразийское пространство, постимперское пространство и др.), отсутствуют его фундаментальные теоретические проработки в современном звучании. В основном «постсоветское пространство» исследуется сугубо в историко-практической плоскости, где акценты делаются на конкретных политических шагах руководителей бывших советских республик.[21]

Что касается теоретического определения понятия «постсоветское пространство», то на сегодняшний день можно говорить о трех основных подходах к его концептуальному раскрытию в рамках историко-политического осмысления, которое сводится к анализу традиционных факторов развития политического региона (географический, исторический, цивилизационный и культурный факторы). Так, первый подход определяет «постсоветское пространство» как геополитическое пространство тех бывших советских республик, которые образовали Содружество Независимых Государств (СНГ). Таким образом, вне этого пространства оказались бывшие советские Прибалтийские республики, Украина и Грузия. Второй подход – наиболее востребованный в российской политической науке, согласно которому «постсоветское

[19] *Милибанд, Д.* России пора перестать думать о себе как о пережитке Советского Союза. Советский Союз больше не существует, постсоветского пространства больше нет / Д.Милибанд [Web: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid_7558000/7558484.stm]

[20] *Исаев, Г.Г.* Политическая регионалистика и Ближний Восток. / Г.Г.Исаев. // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Ежегодный альманах. Выпуск 5.СПб., 2011.

[21] См. например: *Пивовар, Е.И.* Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк. / Е.И.Пивовар. – СПб: Алетейя, 2008; *Алчинов, В.М.* СНГ – Россия –Евросоюз. Проблемы и перспективы интеграции. / В.М.Алчинов. – М.: Восток-Запад, 2008 и др.

пространство» охватывает все республики бывшего СССР, т.е. страны СНГ и Прибалтики, Украину и Грузию или так называемое «ближнее зарубежье». Наконец, третий подход предполагает включение в понятие «постсоветское пространство» стран, ранее составлявшие пространство социалистического лагеря (страны Совета Экономической Взаимопомощи и Варшавского договора) и «страны социалистической ориентации».

Безусловно, традиционные факторы продолжают оказывать свое влияние на развитие региона, поскольку сохраняются исторические и ментальные основы архаичной «постсоветскости». Однако при этом постмодернистские реалии XXI века накладывают существенный отпечаток на формирование новых основ «постсоветского пространства» XXI века. Так, в последние годы под воздействием научно-технической революции, формируется концепция новой географии, что вызвало потребность в создании теории Глобального региона, где учитываются не только традиционные факторы, но и новые факторы, связанные с постиндустриальной стадией развития. Так, в последнее время особое значение для глобальной интеграции приобретает пространство Интернета, которое в наибольшей степени соответствует по своим характеристикам (скорость передачи информации, легкость установления связей, глобальность масштабов) интегративным трендам современного социума. Создание глобальной информационной сети, объединенной Интернетом, представляет собой новое глобальное пространство, определяющее, по мнению М.Кастельса, структурирование всех остальных пространств. Одна из характерных черт Интернет-пространства – глобальность, что находит свое отражение в новых нормах и традициях коммуникации. В частности, в результате беспрецедентного распространения информационных технологий стали формироваться многочисленные транснациональные связи и глобальные институты сетевого характера (например, антиглобалистское движение, социальные сети и пр.). Виртуальная политическая среда создает особые формы дискуссий и обсуждений, что ведет к появлению своеобразных «глобальных клубов по интересам» (например, Ротари клуб) и «глобальных политических проектов» (например, проект WikiLeaks). Все большее влияние на формирование тех или иных связей и процессов оказывает так называемая «сетевая политика», так как Интернет позволяет объединять различные группы людей и, учитывая влияние виртуального пространства, способствует распространению различных идей по изменению мировой системы. Более того, возможно в ближайшем будущем необходимо будет рассматривать «виртуальную интеграцию» как один из видов формирования постсоветского пространства.

Подводя итог теоретическому осмыслению существа постсоветского пространства, важно подчеркнуть, что две основные теоретические парадигмы исследования политических пространств в условиях глобального цивилизационного развития – теория Больших пространств и концепция Глобального региона, дают возможность комплексно исследовать феномен постсоветского пространства. Однако, классифицируя постсоветское пространство с позиций теории Больших пространств, необходимо отметить, что данное пространство не в полной мере соответствует концептуальным положениям этой теории и содержит большой элемент теоретической архаичности. Так, современный концепт «постсоветского пространства» не вбирает в себя все многообразие геополитических событий и реалий своего «имперского» прошлого (по терминологии теории Больших пространств) и требует выработки нового понятийного аппарата. Поэтому данная теория в большей степени относится к категории «советское пространство», а к ПОСТсоветскому – теория Глобального региона, который мы определили как структурированное пространство, основными характеристиками которого являются как традиционные факторы (географический, историче-

ский, цивилизационный и культурный), так и новые факторы эпохи постмодерна (сетевой, коммуникационный, виртуальный и т.д.). Исходя из концептуальных позиций теории глобального региона, мы пришли к выводу, что они наиболее адекватно отражают существо современного состояния «постсоветского пространства». Хотя традиционные факторы продолжают оказывать свое влияние на развитие региона (еще сохраняются исторические и ментальные основы «постсоветскости»), однако интеграционные реалии XXI века накладывают существенный отпечаток на формирование новых основ «постсоветского пространства» трансформируя его в «неоевразийское пространство» XXI века. Поэтому теоретическая проработка проекта Евразийского Экономического Союза должна основываться на понимании диалектики развития пространственных форм Большой Евразии, где постсоветское пространство представляет лишь одно из переходных состояний интеграционно-дезинтеграционных процессов глобальной регионализации. В условиях первой четверти XXI века очевидной стала необходимость новой научной терминологии, отражающей существо центростремительных тенденций неоевразийской интеграции. Именно создание инновационного категориального аппарата и должно стать одним из главных направлений российской политической науки в условиях столь масштабных трансформаций глобального евразийского региона (расширение Европейского Союза, появление Евразийского Экономического Союза, геополитические планы расширения Шанхайской Организации Сотрудничества и др.). Таким образом, становится очевидным, что понятие «неоевразийская интеграция» в концептуальном контексте глобальной регионализации наиболее адекватно отражает существо трансформационных процессов на пространстве Большой Евразии, где формируются новые центры политического и экономического взаимодействия.

Использованная литература:

1. Алчинов, В.М. СНГ – Россия –Евросоюз. Проблемы и перспективы интеграции. / В.М.Алчинов. – М.: Восток-Запад, 2008
2. Бутаков Я. Загадка постимперского пространства. Может ли возникнуть новый геополитический центр в пределах бывшего СССР? / Я.Бутаков. [Web: http://www.win.ru/school/6235.phtml]
3. Васильева Н.А., Лагутина М.Л. Философские вопросы науки о мировой политике. Философская методология исследования проблем мировой политики. Монография. / Н.А.Васильева. – LAP LAMBERT Academic Publishing, Saarbrucken, 2011
4. Васильева Н.А., Лагутина М.Л. Глобальный евразийский регион: опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции. Монография/ Н.А.Васильева, М.Л.Лагутина.- СПб :Изд-во Политехн. ун-та, 2012
5. Вирилио, П. Информационная бомба. Стратегия обмана. / Перевод И.Окуневой. / П.Вирилио. – М, 2002
6. Гагатова, Л.С. Империи: идентификация проблемы / Л.С.Гагатова // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. – М.: АИРО – XX, 1996 – С. 338.
7. Ирхин, А.А. Постсоветское пространство: геополитические параметры и методология моделирования интеграционных процессов / А.А.Ирхин. [Web: http://rusprostranstvo.com/article/view/120]
8. *Исаев, Г.Г.* Политическая регионалистика и Ближний Восток. / Г.Г.Исаев. // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Ежегодный альманах. Выпуск 5.СПб., 2011
9. Исход к Востоку. – София, 1921. – С. VII.
10. Косолапов,Н.А.Глобализация:территориально-пространственный аспект / Н.А.Косолапов // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 6. – С.10
11. Лукьянов Ф. Индекс упущенных возможностей / Ф.Лукьянов. [Web: http://www.globalaffairs.ru/redcol/n_10010]
12. Милибанд, Д. России пора перестать думать о себе как о пережитке Советского Союза. Советский Союз больше не существует, постсоветского пространства больше нет / Д.Милибанд [Web: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid_7558000/7558484.stm]
13. Пивовар, Е.И. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк. / Е.И.Пивовар. – СПб: Алетейя, 2008
14. Празаускас, А. СНГ как постколониальное пространство / А.Празаускас // Независимая газета. – 7 февраля. – 1992. [Web: http://www.ualberta.ca/~khineiko/NG_92_93/1141438.htm
15. Пространство и время в мировой политике и международных отношениях. 4-й Конвент РАМИ 22-24 сентября 2006 г. [Web: http://convention2006.risa.ru/info.php
16. Фурман Д. От Российской империи до распада СНГ / Д.Фурман. [Web: http://www.polit.ru/lectures/2005/10/05/furman_print.html]